

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

М. М. Громыко

Общественное значение православной веры ученого

Время от времени приходится отвечать на вопрос: «Почему Ваш журнал — научный православный? Что Вы хотите этим сказать?» — Хотим сказать, что в нем печатаются работы исследователей, имеющих православное мировоззрение. — «А уровень исследований Вас не интересует?» — Еще как интересует!

Поговорим об этом подробнее.

Верующие ученые призваны сохранять и развивать лучшие академические традиции, сочетая их с религиозным видением предмета исследования. Согласно их сознанию, изучение мира, созданного Богом, требует особенно добросовестного отношения, всегда должно быть нравственным, преследовать благие для общества и отдельного человека цели. Разумеется, в конкретных исторических условиях и индивидуальных судьбах эта задача преломляется по-разному и видимо никогда не достигает полного осуществления, но она определяет направление и характер исканий ученого.

Ошибочное отождествление определений светский и атеистический в образовании, науке и пр. исходит из представления, что все, не относящееся непосредственно в Церкви, должно быть безрелигиозным. Такой подход неизбежно лишает православных ученых их законных прав на выражение своих позиций. Между тем, общество заинтересовано в обеспечении свободы реализации православного мировоззрения в науке. Последовательное применение его в социологии, педагогике, психологии, праве и других общественных науках, способствует утверждению нравственного образа жизни, создает основания для защиты от натиска беспредельной вседоз-

воленности. История и этнография, литературоведение и искусствоведение, изучающие свой предмет с православным видением, дают созидательный материал для средств массовой информации — в противостоянии разрушительным антирелигиозным построениям.

Многих вводит в заблуждение кажущаяся нейтральность естественных и точных наук в отношении религиозности ученого. Между тем, и здесь не только открываются особые возможности за счет откровений (на этом мы еще остановимся ниже), но великое значение для общества имеет состояние нравственности ученого: как в выборе направлений исследований, так и в адекватности выдаваемых результатов.

В советский период, как известно, агрессивное и всепроникающее утверждение атеистической идеологии сопровождалось жесточайшим террором против верующих всех социальных категорий — от крестьянина до академика. Тюрьма и концлагеря были переполнены отнюдь не только священниками, политическими деятелями и ложно обвиненными в таковой деятельности лицами. Автору этих строк довелось услышать немало свидетельств арестантов (оставшихся в живых в силу исключительных обстоятельств или доживших до амнистии) о присутствии в их камерах простых колхозников (иногда — целых групп), репрессированных за проявление веры.¹

Идеологическое давление осуществлялось и в более «мягких» формах: травля в школе, исключение из училища или института, увольнение с работы и пр. Пригласят на партбюро учителя, студента, преподавателя, научного работника или служащего, если есть какой-то донос о его

¹ Моей информированности по этому вопросу способствовали жизненные обстоятельства: репрессированы были отец и трое дядей — все разных профессий (писатель-геолог, военный, инженер, врач), в разных местах, в разное время и по различным сфабрикованным обвинениям.

вере, и говорят: «Да, у нас свобода совести. Но на идеологическом фронте Вы работать не можете. Пишите заявление».

И, тем не менее, даже в этих условиях в ряде областей гуманитарных наук прикровенно развивались православные направления высокой научной квалификации, результаты которых не только распространялись по стране, но выходили за пределы границ государства. Таковы, например, «Труды Отдела древнерусской литературы», издаваемые институтом русской литературы АН (Пушкинский Дом). В течение десятилетий имена святых не сходили со страниц этого многотомного² высоконаучного издания: изучались житийная литература и поучения, шло уточнение датировки и сопоставление редакций, рассматривался круг церковного чтения духовенства и мирян и т. п. Разумеется, все *внешне* определялось сугубо научными задачами, и они действительно успешно решались. С 1954 г. отдел возглавлял академик Д. С. Лихачев (1906—1999), глубоко верующий ученый, скрывавший свои религиозные взгляды.³ Собственные труды его и учеников, а также их выступления на конгрессах и конференциях, активная деятельность в поддержку аналогичных явлений в других научных центрах и учебных заведениях оказали огромное положительное влияние в масштабах всей страны, не только в области литературоведения средневековой Руси, но в культуре в целом.

В связи с академическими и университетскими исследованиями в области археографии было выявлено, собрано, атрибутировано и сохранено множество рукописей духовной литературы. Академик М. Н. Тихомиров (1893—1965) собрал в Москве богатейшую личную коллекцию древнерусских текстов⁴ и передал ее Сибирскому

отделению АН в Новосибирск, где исследования были продолжены его учеником Н. Н. Покровским (1930—2013), позднее академиком, а тогда, при передаче, — недавно вышедшим из концлагеря молодым историком.⁵ И учитель, и ученик, оба — верующие люди.

Успешные научные экспедиции по разысканию в глухих местах ценных, как в духовном, так и в научном значении рукописей (в том числе — сборников духовных стихов XVIII—XIX веков) проводились в течение многих лет археографической лабораторией исторического факультета Московского Государственного университета. Возглавлявшая их доктор исторических наук И. В. Поздеева, верующий ученый, читала в МГУ при советской власти спецкурс по литургике. В подобных экспедициях участвовали и специалисты из научных учреждений и учебных заведений других городов.⁶

Аналогичные процессы прослеживаются в истории архитектуры и искусствоведения. Создавались фундаментальные комплексные исследования по истории храмов высокого научного уровня православные по духу, по пониманию материала. Они вошли в сокровищницу культуры и не превзойдены в настоящее время.⁷ Верующие ученые использовали также возможность прикровенного развития православного направления в связи с собиранием и хранением в музеях страны икон. Особенно преуспел в этом отношении широко известный музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева в Москве. Речь шла об иконах, как древнерусском художественном наследии в истории русской культуры, но при этом сообщалось множество ценных сведений по истории Церкви и о духовном содержании икон.⁸

² При советской власти вышло 42 тома. Отдел был создан в 1932 г.

³ *Протоиерей Борис Пивоваров*. Духовный путь Дмитрия Сергеевича Лихачева // Источниковедение в школе. 100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева. Новосибирск. 2006. № 1 (№ 3). С. 84—119. В молодости Д. С. Лихачев испытал три года страданий в концлагере на Соловках, где чудом спасся от смерти.³ *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968.

⁴ *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968.

⁵ О результатах сибирских археографических экспедиций см., напр.: *Покровский Н. Н.* Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXX. С. 165—183. В этом же номере, а также в других томах ТОДРЛ, — сообщения об археографических экспедициях Пушкинского Дома. О деятельности академика Н. Н. Покровского см. некролог С. Г. Петрова в данном номере нашего журнала.

⁶ См., например, о результатах совместных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова с Пермским университетом и Областным краеведческим музеем: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг. М., 1982.

⁷ См., напр., *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Издательство АН СССР. Т. I. XII в. М., 1962. Т. II. XIII—XV столетия. М., 1962.

⁸ См., напр., *Лазарев В. Н.* Андрей Рублев, «Художник РСФСР». М., 1960; Живопись древнего Пскова XIII—XVI вв. Авторы статьи А. Овчинников и Н. Кишилов. М., издание главного управления госзнака. 1971; Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Автор текста и составитель А. А. Салтыков. Л., 1981. И многие другие аналогичные издания по музейным собраниям разных городов.

Какой глубины понимания духовной сути внешних объектов человеческой деятельности может достигнуть ученый, вера которого направляет его исследовательский поиск, опирающийся на высокое профессиональное мастерство, свидетельствует труд М. П. Кудрявцева (1938—1993) — «Москва — Третий Рим». В послесловии к этой книге, названном «Православное мировоззрение и учение о Третьем Риме», протоиерей Александр Салтыков пишет: «Михаил Петрович был человеком глубоко религиозного склада, и его религиозность все более углублялась к концу жизни. Обретя в Православии великую истину, он посвятил жизнь поискам воздействия этой истины на русскую историческую действительность. Любя Россию, он видел то, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный». И далее: «Выявить и проследить связующие нити церковной символики в пространстве нашего обитания — значит внести драгоценный вклад в укрепление основ православного сознания, и именно к этому стремился Михаил Петрович Кудрявцев. Символ есть знак единства видимого и невидимого миров. Михаил Петрович был глубочайшим ревнителем православной символики. Он умер в момент, когда его книга готовилась к печати. Он был тяжело болен и весь погружен в покаяние, часто исповедовался и причащался, не переставая в то же время думать о состоянии православия в России. В последние два дня он дважды приобщался Святых Таин. Причастившись в последний раз, он делился вслух, с трудом, своими неотступными мыслями о возрождении православной Москвы».⁹ Отпевали его в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот — он много сделал для ее возрождения.

М. П. Кудрявцев был не только ученым, но и активнейшим общественным деятелем. Вот как сказано об этом в аннотации к книге «Москва — Третий Рим» (ответственный редактор, супру-

М. П. Кудрявцев и Т. Н. Кудрявцева
Фото автора (?????????????)

га автора, Татьяна Николаевна Кудрявцева — тоже верующий ученый): «Спасал памятники архитектуры от сноса, боролся против поворота северных рек, сохранял и реставрировал иконы, которые потом передавал в православные храмы, помогал воскрешать приходы (подчеркнуто нами. — М. Г.).

Подобной же активностью в общественной жизни (не броской, не показной, но эффективной), присущей крупным православным ученым, отмечена жизнь недавно ушедшего от нас члена-корреспондента РАН историка Ярослава Николаевича Шапова (1928—2011). В исторической науке обстановка в период прямых гонений на веру (да и при относительном послаблении по этой части) была особенно напряженной. Сдержанный и «закрытый», Ярослав Николаевич не афишировал свою религиозность в институте — она присутствовала в концепциях его

⁹ Протоиерей Александр Салтыков. Православное мировоззрение и учение о Третьем Риме // Кудрявцев М. П. Москва — Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М., 1994. С. 253—254.

трудов. Это отметил и Святейший Патриарх Кирилл в своем послании-соболезновании по случаю кончины Щапова: «Ярослав Николаевич был выдающимся историком и снискал себе заслуженное уважение в мировом академическом сообществе. Его труды по истории нашего государства, Русской Православной Церкви, Византии, древнерусскому праву внесли весомый вклад в отечественную историческую науку. Почивший умел — даже в трудное время гонений на веру — *говорить языком науки об историческом наследии православия*. С благодарностью вспоминаю наши совместные труды в Императорском Православном Палестинском обществе».¹⁰ (Подчеркнуто нами — М. Г.). Изредка и намеком вера проявлялась и в контактах с православными коллегами. И каждый из них мог быть уверен в его поддержке при продвижении соответствующих идей. Его общественная деятельность осуществлялась и в других городах: Щапово (бывшее родовое имение в Подольском районе Московской области), где он содействовал созданию и церкви, и музея; Суздаль — сотрудничество с музеем; Новосибирск и другие города — научные связи и пр. От инициативы в издании и непосредственного участия в многотомной «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), активной поддержки Православной энциклопедии и фонда святителя Макария до таких, казалось бы, частных явлений истории культуры, как искусство кружева, оказавшееся тесно связанным с православной духовностью народа.¹¹

В иных областях гуманитарных наук идеологическое давление советской власти настолько вытеснило некоторые элементарные научные понятия, что, например, духовную культуру народа (этнуса) изучали без его религии. Исследователи-этнографы вынуждены были выискивать все неправославное — пережитки язычества, суеверия и даже колдовство — так рождалась теория двоеверия. А когда явилась возможность включить изучение духовной культуры, самую сущность ее, многие оказались неготовыми к этому. В самом деле, может ли литературовед, не чувствующий стихотворного ритма, быть судьей в развитии поэзии? Может

ли искусствовед, не имеющий художественного виденья, судить о достоинствах творчества живописца? Может ли ученый, не имеющий понятия о жизни Церкви, судить о религиозности своего народа?

Но дело, разумеется, не только в возможностях правильно ориентироваться в определенной тематике. Святитель Лука Войно-Ясенецкий, зримо воплотивший в своей личности и своей жизни союз Церкви и науки, писал об откровении, которое может быть дано ученому в конкретной области, если он сам достигает определенного духовного уровня. Об отмеченных благодатях научных трудах он пишет: «Они должны рождаться свободно, легко, без искусственности, должны быть „пропеты“ миру так же, как поет свою песню птица... Она поет потому, что не может не петь. Это ее потребность, это дар Божий, как все ее бытие и ее житейская и физиологическая сущность, с каких бы философских и этических позиций вы ни рассматривали причину пения птицы... Вспоминаю свою работу по анестезии. Местное обезболивание — оно захватило меня, и я один, на периферии, без всякого руководства со стороны клиник, сам „пел свою песню“, и она рождалась с необыкновенной легкостью и продуктивностью. Мысли рождались, бежали, опережая друг друга, не создавая хаоса, и я едва успевал применять их на практике. Было необыкновенно легко и радостно».¹² «Чем выше духовность человека, тем ярче выражена эта способность высшего познания».¹³

В своей книге «О духе, душе и теле» святитель Лука (Войно-Ясенецкий) называет многих верующих представителей точных и естественных наук, отечественных и зарубежных. Подобный же обширный комментируемый список находим у митрополита Вениамина (Федченкова), включающий и гуманитариев и «естественников» (как он их называет).¹⁴

В эти списки не могли еще войти академики В. П. Глушко (1908—1989) и С. П. Королев (1907—1966) — ныне всемирно известные основатели техники полетов в космос: первый из них возглавлял конструкторское бюро, создававшее двигатели, второй — корпуса ракетно-космических систем. В течение долгого времени

¹⁰ Традиции и современность. М. 2012. № 12. С. 179–180.

¹¹ Некрасова М. А. Народное искусство — духовный фундамент культуры XIX—XXI вв. Рецензия на книгу «Ростовские старинные кружевные скалки из собрания Щаповых». Альбом-каталог. Авторы и составители Е. В. Брюханова, Я. Н. Щапов. Ростов Великий. 2009 // Традиции и современность. М., 2011. № 11. С. 139–142.

¹² Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. СПб., 2008. С. 419.

¹³ Там же. С. 428.

¹⁴ Митрополит Вениамин (Федченков). Веруют ли ученые? // О вере, неверии и сомнении. М., 2011. С. 176–191.

их имена оставались неизвестными и широкой публике, и даже ученым смежных специальностей. Дело было не только в строгой засекреченности военной техники, но в том, что великие эти открытия и технические исполнения их создавались группами ученых, пребывавших в тюрьмах. В конструкторское бюро, имевшее необходимое оборудование, инженера-конструктора приводил тюремный вооруженный солдат, остававшийся при нем (или при них) и отводивший после работы в камеру.¹⁵ Понятно, что робкие сообщения о вере В. П. Глушко и С. П. Королева появились лишь в постсоветский период. В тюрьму их сажали не за веру, а за талант, проявлявшийся в области технических наук. Но реализации их данных способствовала вера.

Верующим ученым был Н. А. Желтухин (1915—1994), вызволенный отзывчивыми коллегами из страшного северного концлагеря в тюремное конструкторское бюро. Он стал потом заведующим расчетного отдела у В. П. Глушко, а позднее — членом-корреспондентом Сибирского Отделения РАН. Список может быть продолжен.

А что же сейчас? Ныне академик в области механики Тимур Магомедович Энеев, известный своими исследованиями по астрономии и космологии, в крещении — Димитрий, глубоко воцерковленный православный человек, успешно ходатайствует перед властями о создании кафедр теологии в вузах. Сегодня архиереи вручают церковные ордена ученым, проявившим себя в деле духовного просвещения.

Назовем ныне здравствующих ученых-гуманитариев, опубликованные работы (книги и диссертации) которых сами говорят о том, какое значение имела православная вера для их исследований, официально признанных присуждением степеней: академик М. А. Некрасова, доктора наук Т. А. Воронина, С. В. Голикова, И. А. Есаулов, Е. Ю. Казакова-Анкаримова, И. И. Калиганов,

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).
Фото автора (?????????????)

А. В. Камкин, О. В. Кириченко, Ю. А. Лабынцев, Н. Н. Лисовой, А. М. Любомудров, В. М. Меньшиков, И. В. Моклецова, Л. Г. Панин, Т. В. Панич, Н. М. Пашаева, В. В. Симонов, Н. Н. Синицына, Е. Ф. Фурсова, К. В. Цеханская, Г. Н. Чагин, Н. К. Чернышова; кандидаты наук Н. В. Алексеева, А. Ю. Андрианов, Н. Н. Блохина, Н. М. Ведерникова, Л. А. Верховская, Я. Э. Зеленина, Т. А. Листова, М. В. Мальцев, Г. Н. Мелехова, А. Л. Павлова, С. Г. Петров, Н. И. Понамарева, Х. В. Поплавская, Г. А. Романов, И. В. Спасенкова, Л. Л. Щавинская, Н. Т. Энеева, А. И. Юренко и другие.¹⁶

Возможны стали совместные встречи светских ученых и духовенства для обсуждения науч-

¹⁵ Автор этих строк осведомлена о таких «подробностях» не из постсоветской литературы, а из непосредственных семейных контактов. Интересно, современные общественные деятели, которые хотят из Сталина сделать знамя патриотического движения, писали бы свои яркие призывы в таких условиях? А эти ученые и в тюрьме честно отдавали свои таланты служению защиты Родины (несмотря на репрессивную политику Сталина, а не благодаря ей).

¹⁶ Наш перечень отнюдь не претендует на полноту в силу ограниченных возможностей автора статьи: в него включены лишь те ученые, с работами которых я познакомилась в разное время и знаю о их вере. Приношу свои извинения православным коллегам, не включенным в этот список.

ных проблем. Некоторые из таких конференций дали существенные опубликованные результаты. Таковы, например, шесть сборников материалов «Наследие Серафима Саровского и судьбы России». К сожалению, из-за малого тиража они медленно включаются в научный процесс.¹⁷ Сегодня осуществляются и такие издания, где православная концепция объединяет серьезные научные исследования и предпринимательскую благотворительность, позволяющую представить богатый иллюстративный материал.¹⁸

Борьба против союза веры и науки ушла из сферы правительственного террора в область обсуждения концепций — и в естественных, и в общественных науках. Казалось бы — благая ситуация. Но она резко обострена антиправославной деятельностью средств массовой информации. Успехи современной техники, используемые агрессивным либерализмом, делают возможным не только широкое и быстрое (оплачиваемое извне) распространение ложной, псевдонаучной информации, но и клеветнические выпады.

Беда отнюдь не сводится к массовости всепроникающей ложной информации: искаженным оказывается сам исследовательский процесс, если он не защищен нравственным состоянием ученых. Нормой становится помещение научных результатов в прокрустово ложе требований заказчика (в медицине, пищевой промышленности, градостроительстве и пр., и пр.). Безбожие, к которому стремилась наука с XVIII века «просвещения», противопоставляя вере культ разума, приводит сейчас к попиранию самой науки: утрата необходимой основательной подготовки и, соответственно, серьезного профессионализма; разрушение бесценной сокровищницы научных школ, преемственности поколений, — в силу подчинения всего этого стоимостной оценке. Оценки же задаются далекими от науки людьми: дель-

цами, либо высокопоставленными чиновниками, либо сознательными разрушителями.

Есть и другая опасность, не внешняя, а внутренняя, связанная с претензией некоторых ученых горделиво вторгнуться в пределы догматов веры, е подлежащих вольным рационалистическим толкованиям, основанных на Священном Писании и разъясненных богословам и богословами на уровне откровений. Это относится, прежде всего, к философии, хотя такая опасность (но менее выраженная) существует и в других науках. Как известно, самые видные представители блестящей плеяды русских философов конца XIX — первой четверти XX века, заблудились именно на этом пути: интеллект, признающий веру, но трактующий и исповедующий ее так, как ему кажется нужным. «Представляется иной раз весьма странным, — писал о В. С. Соловьеве его друг В. Л. Величко, — его игнорирование всей православной догматики, которую он же сам признавал, как нечто вечное и нерушимое. В. Соловьев практически оставался все же скорее философом, настроенным, несомненно, религиозно, но в то же время и чрезвычайно интеллектуально. Мистицизм для него — его собственное учение о всеединстве, о вселенском организме. Для практического Православия этого было маловато». Приведа эту цитату из воспоминаний В. Л. Величко, наш современник, протоиерей Александр Шаргунов пишет: «Добавим, что не только маловато, но чрезвычайно катастрофическими подменами в коренном вопросе о тайне добра и зла. Помимо собственного переживания Софии, Соловьев развивал идею мировой души из гностицизма или прямо из язычества».¹⁹

Учение протоиерея Сергей Булгакова «О Софии Премудрости Божией» вызвало бурную дискуссию в церковных кругах русского

¹⁷ Наследие Серафима Саровского и судьбы России. Материалы научно-богословской конференции. Москва — Саров, июнь 2004. «Глагол». Н.-Новгород, 2005; Россия в духовных поисках современного мира. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Москва—Дивеево. 29 сентября — 1 октября 2005. «Глагол». Н.-Новгород, 2006; Возрождение православных монастырей и будущее России. Материалы III Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России. Сергиев Посад—Саров—Дивеево. 28 июня — 1 июля 2006. «Глагол». Н.-Новгород, 2007; Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород — Саров — Дивеево. 28 июня — 2 июля 2007. «Глагол». Н.-Новгород, 2009; Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания. Материалы V Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Москва — Саров — Дивеево. 20—22 июня 2008. «Глагол». Н.-Новгород, 2009; Наследие Серафима Саровского и будущее России. Материалы VI научно-богословской конференции. Санкт-Петербург — Саров — Дивеево. 25—28 июня 2009. «Глагол». Н.-Новгород, 2012.

¹⁸ См., напр.: Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVII—XXI века. Традиции и современность. Автор-составитель, научный редактор М. А. Некрасова. М., 2013.

¹⁹ Прот. А. Шаргунов А. Отрицание христианства в учении В. С. Соловьева // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Том «Русское мировоззрение». М., 2003. С. 771.

зарубежья 1920—1930-х годов.²⁰ Увлеченные «свободной» игрой собственного талантливо-го ума, философы дошли до того, что в октябре 1935 года понадобилось специальное «Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей», гласившее: «Признать учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии Премудрости Божией еретическим».²¹ Определение это было подробно аргументировано, благодаря книге святителя Серафима (Соболева) «Новое учение о Софии — Премудрости Божией» (София. 1935), где обстоятельно рассмотрены все софиологические сочинения о Сергия Булгакова и показаны основные отступления его от православной догматики в свете учения святых отцов и Священного писания.²² «Владыка показал органическую связь ереси софиологии с ранним гностицизмом и с каббалистической мистикой».²³

Против учения С. Н. Булгакова, разделяемого рядом философом русской эмиграции, еще до «Определения» выступали такие авторитетные богословы, как митрополит Антоний (Храповицкий) — глава Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви, архиепископ Феофан (Быстров) и будущий святитель Иоанн (Максимович). Последний указывал на то, что истинная причина догматических искажений Булгакова есть «прельщение философией»²⁴.

Непосредственно перед «Определением» Собора Русской Православной Церкви заграницей, в сентябре 1935 года, Московская патриархия издала Указ: «Учение проф. прот. С. Н. Булгакова, своеобразным и произвольным (софианским) истолкованием часто искажающее догматы Православной веры, в некоторых пунктах и прямо повторяющее лжеучения, уже соборно осужденные Церковью, в возможных же из него выводах могущее быть даже опасным для духовной жизни, признать учением чуждым Святой Православной Христовой Церкви и предостеречь от увлечения им всех ее верных служителей и чад...».²⁵

Н. Т. Эннеева справедливо отклоняет опасение, что митрополит Сергий (Страгородский),

возглавлявший тогда Московскую Патриархию, действовал под давлением советских властей. «Советская власть могла только приветствовать разложение Церкви изнутри разочтениями и вольномыслием, что и выразилось в поддержке ею обновленческого движения на территории самой России. Митрополит Сергий, вне всякого сомнения, действовал в данном случае по глубокому убеждению, так же как и митрополит Антоний (Храповицкий), архимандрит Иоанн (Максимович), архимандрит Серафим (Соболев)».²⁶

Говоря о православной вере ученого, уместно вспомнить о полемике 1920—1930-х годов и соответствующих церковных решениях потому, что сегодня иные философы склонны столь же (или гораздо более) «вольно» толковать основные догматы веры. Подобно «просветителям» XVIII века они пленяются возможностями собственного ума. Додумался же Н. А. Бердяев (несмотря на все предупреждения Церкви) до того, что «культ святости должен быть дополнен культом гениальности».²⁷ Было забыто главное: гениальность может быть и от Бога и от духа зла. Об этом четко пишет современный богослов, священник Михаил Труханов (1916—2006) в своей работе «Путь к истине — смирение и любовь». Он посвятил этому вопросу специальное приложение к этой работе под названием «Гении зла», где, в частности, говорится: «Сталин был чудовищем, и если существовал когда подлинный „враг народа“, то именно он им и был. Память о его преступлениях сохранится до тех пор, пока существует история, и нам, как воздух, необходима вся конкретная правда об эпохе его всевластия».²⁸

Это пишет человек, испытавший пятнадцать лет жесточайших лагерей и поднадзорного поселения. Но почему же «искушение философией» посещает ученого (и отнюдь не только философа) в условиях безграничного либерализма? Потому что дело не в политических формах власти, а в духовной их сути. «Вот рухнул коммунизм, а неужели еще не всем ясно, что коммунизм — не только политическая система, а духовное явление, и борцы против коммунизма и победители

²⁰ Подробнее об этом см.: Эннеева Н. Т. Спор о софиологии в русском зарубежье 1920—1930 годов. М., 2001.

²¹ Там же. С. 90—111: публикация текста «Определения».

²² Эннеева Н. Т. Указ. соч. С. 9—10.

²³ Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней. Обзор аскетической литературы. Автор-составитель Николай Новиков. Т. I. «Отчий дом». М., 2004. С. 70—71.

²⁴ Эннеева Н. Т. Указ. соч. С. 5—8.

²⁵ Полный текст «Указа» см. в приложении к книге Н. Т. Эннеевой. С. 112—125.

²⁶ Эннеева Н. Т. Указ. соч. С. 11.

²⁷ Прот. Зеньковский В. Бердяев Николай Александрович // Русское мировоззрение. С. 72

²⁸ Священник Михаил. Путь к истине — смирение и любовь. М. 1999. С. 153.

его могут быть выразителями того же духа дьявольской гордыни, явного или скрытого богоборчества!».²⁹

Опасность горделивого вторжения науки в область, не подлежащую анализу человеческого рассудка, не получившего особых даров свыше, особенно велика также в психологии и психиатрии. Мы не говорим здесь о парадоксальной позиции ученых-атеистов, которые рассматривают жизнь души, не признавая ее существования. Речь идет о верующих исследователях. Как трудно им выявить черту, за которой необходимо прозрение священника-духовника, а не анализ ученого, и не переступить эту границу. И если при этом в теории они рискуют, подобно философам, абстрактным отступлением от истины, то в практических советах они определенно претендуют заменить собою духовенство, и даже не только священников, но и прозорливых старцев. Ныне психолог — в каждой школе, на многих предприятиях и так далее. (Звание психолога, как дополнительное, получают, например, юноши и девушки, заканчивающие педагогическое учебное заведение, которое готовит учителей начальной школы). Вопрос об опасности этого современного явления требует, на наш взгляд, особого внимания Церкви и общечеловеческости. В существующей ныне ситуации не исключается даже официально оформленное воздействие средствами магии на детей и не подозревающих об этом взрослых.

Таковы в самом кратком изложении внешняя и внутренняя опасности для современного православного ученого. В чем же он может найти опору? В собственном духовном становлении, которое дается только воцерковлением. Обретение благодати Святого Духа и сохранение ее, возможная утрата в силу греховности и вновь обретение — все это происходит лишь в рамках церковной жизни, ее установлений, определенных свыше. Соответствующее духовное состояние ученого дает возможность воспринять откровения, проливающие свет на вполне конкретные проблемы, устоять против соблазнов ложных умствований. «Начало премудрости — страх Божий», — гласит Священное Писание. А В. С. Соловьев, например, говорит (по воспоминаниям Е. Н. Трубецкого): «Одного не

понимаю — страха Божия, отказываюсь понять, как можно бояться Бога. И при этом заливался своим звучным, заразительным и вместе странным хохотом».³⁰ Или из письма Соловьева своему другу В. Л. Величко в апреле 1895 года: «Я прожил у Вас несколько недель Великого Поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили, и ничего в этом дурного не было, т. к. все это не для нас писано, и всякий это понимает».³¹ В свете всех бурных перемен во взглядах и отступлений от православия В. С. Соловьева, комментарии излишни.

Еще в XIV веке «святитель Григорий Палама в споре с гуманистами писал: „Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только, что он воспринял монашескую жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от нее какой бы то ни было точности в познании Божественного; ибо невозможно получить от нее какого бы то ни было верного учения о Боге“». И немного далее: «Итак, у светских философов есть и кое-что полезное, так же как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный». Св. Григорий Палама подробно и пространно останавливается на вопросе соотношения философии и вообще светской науки с богословием. Несмотря на приведенное резкое суждение, у него все же не только нет отрицания значения светские наук, но он признает и их относительную пользу. Он видит в них один из путей относительного и посредственного знания о Боге. Но он резко отрицает религиозную философию и светские науки как средство богообщения, богопознания, так как здесь наука не только не может дать «какого бы то ни было верного учения о Боге», но в применении к области, ей несвойственной, ведет к искажениям и, более того, может пресекать возможность подлинного богообщения, оказаться «смертоносной». Как видим, святой Григорий лишь ограждает область богообщения от смешения с религиозной философией и естественным, природным знанием о Боге».³²

Подведем кратко итог сказанному. Противопоставление науки и веры справедливо лишь

²⁹ Прот. А. Шаргунов. Указ. соч. С. 771.

³⁰ Цит. по: Прот. А. Шаргунов. Указ. соч. С. 772.

³¹ Там же.

³² Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви. Изд. Западно-Европейского экзархата. Московский патриархат, 1989. С. 197–198.

тогда, когда речь идет о невозможности познания Бога научными средствами. Богословие дает толкование самих оснований веры, а светская православная наука изучает реалии существования людей в земной жизни и среды их обитания. Православное мировоззрение в сочетании с личной воцерковленностью ученого имеет отношение к решению любых проблем — не только

общественных, но и естественных и технических наук. Религиозность исследователя становится гарантией против безнравственности научного поиска, против искажения результатов в угоду стоимостным оценкам, против бесчеловечности грядущих открытий и изобретений, а благодать открывает возможности великих озарений в изучении Божьего мира.

